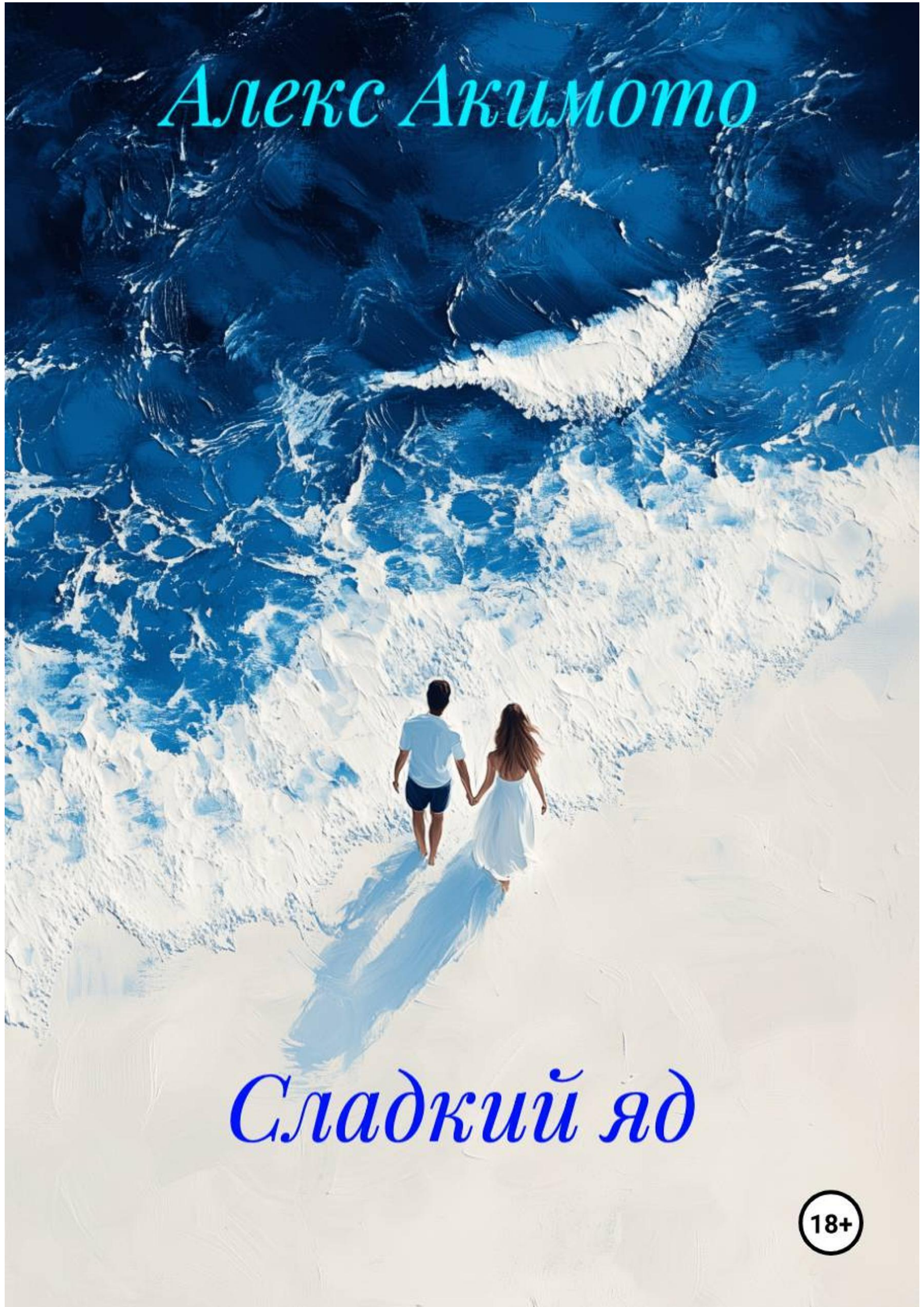

An aerial photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach. They are holding hands and walking towards the ocean. The man is wearing a white t-shirt and dark shorts, and the woman is wearing a white dress. The ocean is a deep blue with white foam from the waves. The sky is not visible.

Алекс Акимото

Сладкий яд

18+

Алекс АКИМОТО

Сладкий яд

«Автор»

2026

Акимото А.

Сладкий яд / А. Акимото — «Автор», 2026

Париж. Маленькая кондитерская с золотыми буквами «Марго». За прилавком — девушка с зелёными глазами, которая делает конфеты по рецептам умершей матери. С улыбкой. С теплом. С любовью. Но за этой улыбкой — список из семи имён. И яд, спрятанный в шоколаде. Виолетта мстит за мать. Холодно. Системно. Без жалости. Шесть имён уже зачёркнуты. Осталось одно. Отец. Тот, кого она никогда не видела. Тот, кого мама любила всю жизнь. Но когда майор полиции Анри Дюваль получает дело о загадочных смертях, он не знает, что идёт по следу собственной дочери. И что ему придётся выбирать между законом и совестью. Между долгом и любовью. Между тем, кем он был, и тем, кем он станет. Это история о мести, которая превращается в любовь. О яде, который становится лекарством. О женщине, которая родилась дважды. Для тех, кто верит, что после боли возможна жизнь. Жизнь не всегда сладка. Но сладости хочется каждому.

© Акимото А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. КОНФЕТЫ МАРГО	7
ГЛАВА 2. АНРИ	11
ГЛАВА 3. ВИТРИНА	14
ГЛАВА 4. ДОКУМЕНТЫ	17
ГЛАВА 5. СЪЕДЕНА СЛАДКО	19
ГЛАВА 6. НАСЛЕДСТВО	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сладкий яд

Глава

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель,

Эта книга родилась из одного вопроса: что, если боль можно превратить в сладость? Что, если яд, который ты носишь в себе, можно трансформировать в лекарство? Что, если месть — это не конец, а начало пути к себе?

Сладкий яд — это история о девочке, которая потеряла всё, и о женщине, которая решила всё вернуть. О конфетах, которые убивают, и о любви, которая воскрешает. О Париже, который дышит, и о Провансе, который помнит.

Этот роман — не просто триллер и не просто мелодрама. Это история о том, как важно помнить, кто ты есть. И о том, что даже после самой тёмной ночи наступает рассвет.

Я не знаю, что ты ищешь в этой книге — острых ощущений, красивых метафор или ответов на вопросы, которые ты боишься задать себе вслух. Но я знаю одно: Виолетта найдёт тебя, если ты готов её услышать.

Приятного чтения.

Автор

ПРОЛОГ

Кондитерская Марго стояла на тихой улочке в квартале Маре. Белая вывеска с золотыми буквами вспыхивала на солнце каждое утро, и никто из прохожих не знал, что за этой красивой витриной — смерть.

Внутри пахло шоколадом, лавандой и чем-то металлическим, острым, как запах старой крови. Но только сама Виолетта чувствовала этот запах. Клиенты чувствовали только сладость.

Виолетта стояла за прилавком. Пальцы её, покрытые мукой и какао, двигались с точностью хирурга. Волосы собраны в небрежный узел, на лице тёплая улыбка. Она выглядела так, как должна выглядеть молодая хозяйка парижской кондитерской: милая, безопасная, безобидная.

Она шептала про себя: это для мамы.

Каждый день она делала это. Каждую конфету, каждое пирожное, каждое утро на рассвете всё это было для мамы. Для Марго, которая пела, месила тесто и верила в людей. Для Марго, которую предали те, кому она доверяла. Для Марго, которая умерла на холодном полу кухни, сжимая руку девятилетней дочери.

Клиенты входили под звон колокольчика, говорили доброе утро, мадемуазель, и Виолетта отвечала доброе утро. Она помнила все их имена. Она улыбалась им, когда они брали её конфеты.

Она знала: скоро они возьмут последнюю.

Внутри неё был список из семи имён. Семь лиц. Семь смертей, которые ещё не случились, но случатся. Она носила их в себе столько лет, что они стали частью её, как кости, как дыхание, как сердце.

Она не знала, когда начнёт. Она знала только: когда начнёт, уже не остановится.

Виолетта смотрела на витрину, на конфеты, которые блестели в утреннем свете, на надпись Марго золотыми буквами и чувствовала, как внутри неё просыпается тот самый холод.

Сладкая жизнь не всегда сладка. Но сладости хочется каждому.

ГЛАВА 1. КОНФЕТЫ МАРГО

Марго поманила дочь к себе, указывая на пустой стул у окна. Когда Виолетта села, мать наклонилась к ней, и девочка почувствовала знакомый запах ванили и что-то ещё, острое, едва уловимое, похожее на запах старых монет, на тонкую металлическую ноту, которая появляется перед грозой, когда воздух становится плотным и тревожным.

В глазах Марго не было обычной мягкости. Там появилась странная, взрослая серьёзность, от которой Виолетте стало неуютно. Она поёжилась, хотя в кухне было тепло.

Помни одно, произнесла Марго, и голос её звучал ровно, но в нём слышалась сталь, которой девочка раньше не замечала. Некоторые люди делают вид, что они добры. Но доброта и справедливость это не одно и то же. Ты понимаешь разницу?

Виолетта замялась. Она сжимала в руках салфетку, комкала её, пытаясь найти ответ. Слова ускользали из памяти, как скользкий холодный угорь, которого пытаешься удержать, но он выскальзывает.

Нет, мам, честно призналась она, и голос её дрогнул, потому что она чувствовала: мама ждёт от неё чего-то важного, а она не знает, что это.

Марго вздохнула. Её пальцы, испачканные мукой, на мгновение сжались в кулак, а потом расслабились.

Доброта это когда тебе жалко человека. А справедливость это когда каждый получает то, что заслуживает по праву. Она наклонилась ближе, и Виолетта почувствовала тепло её дыхания. Это не значит быть злым, это означает быть честным. Даже если правда причиняет боль. Особенно тогда.

Марго поднялась, чтобы убрать посуду со стола. Её движения были точными и быстрыми, привычными, отточенными годами работы на этой кухне. Но Виолетта, которая знала каждую мамину привычку, заметила, как мать бросила мимолётный взгляд на часы на стене ровно на три секунды дольше, чем обычно. Словно она отсчитывала не время, а последние минуты перед чем-то неизбежным, что уже стояло у порога.

За окном виноградники ещё спали под серым небом. Они тянулись до самого горизонта, голые после сбора, и казались костлявыми, как пальцы старой женщины, сжимающей невидимую нить. Свет пробивался сквозь стекло бледный, холодный, но уже обещающий утро и ложился на медные кондитерские формы. Формы стояли на столе, потемневшие от времени, покрытые тонким налётом благородной патины. Они помнили руки трёх поколений: бабушку, прабабушку, ту, чьё имя уже стёрлось из семейных хроник, но чьи руки когда-то так же касались этого металла, как сейчас касаются руки Марго.

На стенах кухни висели старые фотографии в деревянных рамках. Прабабушка у печи, с серьёзным лицом и руками, испачканными шоколадом. Бабушка с подносом, полным эклеров, улыбающаяся в объектив так, словно знала, что её улыбка останется в веках. Мама в день открытия кондитерской молодая, счастливая, с теми же зелёными глазами, что сейчас смотрят на Виолетту. Все они улыбались одинаково не просто губами, а взглядом, словно передавая друг другу секрет, который Виолетте ещё предстояло разгадать. И этот секрет висел в воздухе, как запах шоколада, который не выветривается даже после того, как печь остывает.

Мама, ты опять поёшь, сказала Виолетта, прерывая тишину.

Марго обернулась. Её лицо было смешно испачкано мукой на носу белая полоса, на щеке шоколадный след. Волосы собраны в небрежный узел, из которого выбивались тёмные пряди, падающие на плечи. Но глаза эти неповторимые зелёные глаза, глубокие, как виноградники в августе, когда ягоды наливаются соком, они сияли. Сияли так, что Виолетта невольно замолчала, чувствуя, что смотрит на что-то бесконечно ценное, что нельзя спугнуть словами.

Иди сюда, милая, Марго похлопала по краю высокого деревянного табурета. Помоги мне.

Виолетта послушно забралась наверх. Под пальцами она почувствовала шершавую поверхность дерева, отполированную годами до гладкости, но сохранившую тепло рук, которые касались её до неё. Перед ней лежало тесто мягкое, тёплое, податливое. Оно пахло дрожжами, мускатным орехом и чем-то сладким, как утро в день праздника. Этот запах был родным, он вплетался в её сны, в её детство, в её память о том, что такое быть счастливой.

Марго отделила небольшой кусочек и протянула дочери. Её пальцы задержались на мгновение, словно передавая не просто тесто, а что-то большее.

Чувствуешь? спросила мать, и голос её был шёпотом, как будто она раскрывала тайну.

Виолетта взяла тесто в ладони. Оно было живым. Она чувствовала, как оно дышит, как тепло собственного существования пульсирует внутри этой маленькой массы. Ей казалось, что если закрыть глаза и прислушаться, можно услышать сердцебиение, которое бьётся в такт с её собственным.

Как глина, прошептала Виолетта с благоговением, и в голосе её слышалось почти священное изумление. Из него можно слепить целый мир! Правда, мама?

Марго улыбнулась той улыбкой, которая не касалась губ, а светила изнутри.

Можно слепить всё что угодно, если знать секрет, сказала она, и её пальцы легли поверх пальцев дочери, направляя их движение. Главное помнить, для чего ты это делаешь. Конфета это не просто сладость, это послание. Иногда оно приносит радость. А иногда забирает всё.

Виолетта сосредоточенно работала пальцами, стараясь сделать свою первую конфету такой же совершенной, как те, что лежали в формах на столе. Она не понимала смысла слов матери о том, что конфета может забирать. Но чувствовала странную торжественность момента. Кухня перестала быть просто кухней. Она стала храмом, где совершалось великое таинство, доступное только им двоим.

Марго поставила медную форму на плиту. Огонь жадно лизнул её дно, сжигая серый пепел, который оседал на металле после каждой партии. Первая капля жидкого шоколада густая, блестящая, чёрная, как ночь перед рассветом медленно сползла по стенке, оставляя за собой тёмный след. Воздух в кухне стал тяжёлым. Ваниль, карамель и что-то ещё, едва уловимое. Металлическое. Острое. Как запах грозы, которая вот-вот разразится, хотя небо за окном было чистым.

Посмотри, как он течёт, тихо сказала Марго, и голос её был полон странной гордости, как будто она показывала дочери не просто шоколад, а самого себя. Шоколад никогда не лжёт. Он принимает ту форму, которую мы ему даём, но всегда остаётся самим собой. Даже если спрятать его за слоями сахара и сливок.

Виолетта попыталась повторить движение матери, аккуратно разглаживая поверхность своего маленького творения. Но пальцы дрожали. Ей было страшно испортить, и этот страх передался в руки, делая их неуклюжими. Шарик из теста предательски сплюснулся под её пальцами, потерял форму, превратился в бесформенный комок.

Она всхлипнула, сжимая испорченную конфету в кулачке. Горячие слёзы обожгли глаза. Ей казалось, что она разрушила что-то важное, что-то, что принадлежало их роду, их истории, их женской силе.

Марго мгновенно оказалась рядом. Её рука легла на плечо дочери, и от тепла этого касания сразу стало легче. Она не сказала не плачь. Она не сказала ты справишься. Она сказала то, что нужно было сказать.

Ошибка это часть пути, Виолетта. Главное успеть всё исправить до того, как станет слишком поздно.

Она забрала испорченную конфету из рук дочери и молча положила её в общую чашу с остатками теста. Не выбросила. Не осудила. Просто положила рядом, как напоминание о том, что даже неудача имеет место.

Виолетта проводила её взглядом. В маленькой белой кухне внезапно стало холодно, хотя огонь под плитой всё ещё горел. Снаружи свет стал ярче, солнце поднималось выше, и пылинки танцевали в его лучах, как золотые искры. Но этот свет казался блеклым и чужим, как будто он принадлежал другому миру, а не этому, их маленькому миру, где на столе лежало тесто и пахло детством.

Мама, я хочу делать конфеты всегда. Всю жизнь. Как ты, сказала Виолетта, и в голосе её была не просьба, а твёрдость, которой она сама не ожидала.

Марго посмотрела на неё долго. Очень долго. Так долго, что Виолетта успела испугаться: а вдруг мама скажет нет? Но мама молчала, и в её глазах был страх тот самый, что охватывает матерей, когда они видят в дочерях себя, когда они знают, что дочь повторит их путь, и ничего не могут с этим поделать.

Ты будешь делать конфеты, сказала Марго тихо, почти шёпотом, и голос её дрожал. Но не как я. Ты будешь делать их с любовью. А я делаю их с памятью. Это разные вещи. Любовь это то, что ты даёшь. А память это то, что ты несёшь в душе.

Она обняла Виолетту. Крепко, бережно, как обнимают то, что боятся потерять. И дочка уткнулась лицом в мамин фартук, который пах мукой, шоколадом, лавандой и чем-то безымянным и древним возможно, тем самым, что передавалось от прабабушки к бабушке, от бабушки к Марго, а теперь к ней.

Снаружи поднималось солнце. Розовое, тёплое, обещающее день. Виноградники просыпались, воробьи начинали петь, их щебет разносился по утреннему воздуху. Марго напевала вполголоса старую мелодию, которую Виолетта слышала тысячу раз, но никогда не запоминала слов. Теперь она слушала и запоминала каждую ноту, каждое слово, каждый вздох.

Она не знала, что пройдёт двадцать лет, и ей придётся вспомнить этот день с точностью до секунды. Что она будет стоять на холодной кухне одна, с мёртвой матерью на руках, и прокручивать этот рассвет в голове снова и снова, пытаясь найти то, что она пропустила, то, что могло бы всё изменить.

А пока она просто слушала. И запоминала.

Виолетта неожиданно подняла голову от фартука матери и посмотрела ей в глаза. Тихо, почти шёпотом, как спрашивают дети, когда чувствуют, что вопрос важный, но не знают, почему он важен:

Мама, а что будет, если у нас отберут конфеты?

Марго замерла. Её объятья, сжимавшие дочь, чуть напряглись, стали твёрже, словно она неосознанно пыталась защитить девочку от того, что уже знала. Её взгляд скользнул куда-то за окно, за виноградники, за горизонт туда, где виднелось только небо и ранний свет. Она молчала, и молчание было долгим, бесконечным, тягучим, как мёд, который застывает в холоде.

Виолетта почувствовала, как внутри неё появился иней. Как тогда, когда зима приходит неожиданно, и ты выходишь на улицу без перчаток, и холод кусает пальцы, и ты не можешь согреться, потому что не знаешь, когда это закончится.

Мама? повторила Виолетта, и голос её стал тоньше.

Марго взглянула на дочь. Её лицо изменилось: маска ушла, и на секунду Виолетта увидела что-то не страх, не боль, а что-то ещё, что она не могла назвать. И почти сразу мать улыбнулась. Той самой улыбкой, которая излучалась из глаз, грела и говорила: всё будет хорошо, милая. Я рядом.

Но Виолетта уже научилась замечать то, что было под улыбкой. Она почувствовала тень, которая легла на лицо матери, как облако на рассвете, когда солнце ещё не встало, но уже близко. И она поняла: мама что-то знает. Что-то, что она не говорит. Что-то, что ей страшно произнести вслух.

Никто не отберёт у нас конфеты, милая, сказала Марго тихо. Никто.

Она снова обняла дочку, прижала к себе, и Виолетта уткнулась щекой в мамино плечо, вдыхая знакомый запах кухни запах, который пах не только сладостью, но и наследием поколений женщин. Запах, который останется с ней навсегда, даже когда мамы уже не будет.

За окном разгорался рассвет. Виноградники наливались янтарём, хотя до золотой осени было ещё далеко. Воробьи щебетали всё громче, будто пытались разбудить весь мир. И всё было так, как всегда, и совсем иначе.

Виолетта не знала, почему, но чувствовала, как чувствуют дети приближение бури. Сердцем. Но не в силах сказать словами.

Это будет потом.

А сейчас был рассвет. И руки матери. И тишина детского счастья. И материнская любовь, которая, как она узнает позже, никогда не исчезает. Она просто принимает другую форму.

А потом пришёл Анри.

ГЛАВА 2. АНРИ

Анри Дюбуа появился в деревне осенью, когда виноградники уже отдали всё, что могли, и лозы стояли голые и тёмные, словно прожилки у старой уставшей лошади. Воздух пах опавшей листвой и дымом из печных труб. Марго делала конфеты на рассвете, как делала всегда, и не знала, что этот рассвет отличается от всех предыдущих. Где-то на дороге, ведущей от станции, уже шёл человек, который изменит всё. Не постепенно, не мягко а с той неизбежностью, с какой вода просачивается сквозь трещины в стене, разрушая её изнутри.

Виолетте было семь лет и три месяца. Она сидела на подоконнике кухни, болтая ногами в воздухе, и смотрела, как мама раскатывает тесто. Марго пела вполголоса старую провансальскую песню о винограде и любви, которую пела её бабушка, а та свою. Голос был тихим, но тёплым, и Виолетте казалось, что мама поёт не для себя, а для теста, для шоколада, для медных форм, которые грелись на плите. Она вкладывала в каждую ноту свою душу, и кухня дышала этой музыкой, как дышит живой организм, как дышит сердце, когда оно полно любви.

И вдруг голос оборвался. Не допев. Не закончив фразу. Просто оборвался, как струна, которую перерезали ножом.

Виолетта подняла голову. Мама стояла у стола, держа в руках скалку, и смотрела в окно. Её лицо было спокойным слишком спокойным для человека, который только что оборвал песню на полуслове. Но Виолетта заметила, как мамины руки замерли над тестом на мгновение дольше, чем нужно. Как пальцы чуть сжались на деревянной ручке скалки. Как дыхание стало глубже.

Мама, кто-то идёт, сказала Виолетта.

Марго не ответила. Она смотрела в окно, и Виолетта проследила за её взглядом. По дороге, ведущей от станции, шли двое. Один высокий, худой, в сером костюме, с портфелем в руке, начищенными ботинками, которые блестели даже на пыльной дороге. Второй женский, в ярком платье, с румяным лицом и знакомой, слишком знакомой улыбкой.

Луиза. Мамина подруга. Та, что приходила каждый четверг, пила чай, обнимала Виолетту и говорила: какая ты красивая, прямо как мама. Луиза шла рядом с незнакомцем, улыбалась и махала рукой в сторону дома, приветствуя их. Она была одета в новое платье яркое, непривычное для деревенской женщины, такое, в котором ходят в город, на праздник, на встречу, которая должна изменить жизнь.

Виолетта смотрела на Луизу и чувствовала холод. Не от ветра от улыбки. От того, как подруга матери поправляла складку на рукаве: жестом, полным гордости и тщеславия. Она не просто шла она шла с чувством победы. Как будто уже знала, чем закончится этот день.

Луиза, сказала Марго, и в её голосе мелькнула лёгкая тень удивления. И с ней кто-то.

Тётя Луиза? переспросила Виолетта. А кто с ней?

Марго не ответила. Она стояла у окна и смотрела, как приближаются фигуры, и в её взгляде появилась та странная смесь любопытства и тревоги, которую Виолетта не могла понять, но чувствовала кожей. Она знала, что этот человек, идущий по дороге, не просто гость. Он был предвестником.

Анри подошёл к дому. Виолетта смотрела, как он идёт размеренно, ровно, без единой заминки, как человек, который привык, что двери перед ним открываются. Постучал в дверь ровно три раза. Коротко. Деловито. Как человек, который не сомневается, что его впускают.

Марго вытерла руки о фартук, оставляя на нём тёмные полосы от шоколада, и пошла открывать. Виолетта прыгнула с подоконника и побежала за ней, не отставая, спрятавшись за маминой спиной, как делала всегда, когда чувствовала, что в дом приходит что-то незнакомое и опасное.

Анри стоял на пороге. Высокий, худой, с тёмными волосами, зачёсанными назад, с лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не холод в глазах. Он был одет в безупречно отглаженный серый костюм, и в руке держал кожаный портфель. На его запястье блестели дорогие часы но стрелки их стояли. Он забыл их завести. Или не считал нужным.

Он улыбнулся профессиональной улыбкой, которая трогала только губы, не касаясь глаз. Улыбкой человека, который знает, что он сильнее, и не боится этого показывать.

Мадам Лоран, меня зовут Анри Дюбуа, я представляю фирму Дюбуа и партнёры, сказал он мягким голосом. Голос был слишком мягким, как перчатка, надетая на стальную руку. Луиза рассказывала мне о ваших конфетах. Мне бы хотелось поговорить.

Марго посмотрела на Луизу. Луиза стояла чуть позади Анри, улыбалась во весь рот, и её глаза блестели так, как блестят глаза человека, который только что выиграл что-то важное.

Марго, это Анри, сказала она, и голос её звучал слишком громко, слишком радостно, как будто она пыталась убедить не только Марго, но и саму себя. Он хочет помочь. Хочет, чтобы твои конфеты узнали за пределами деревни. Послушай его пять минут. Если не понравится, я сама его выгоню.

Марго стояла в дверях, с руками в муке, в фартуке, испачканном шоколадом. Она смотрела на Луизу, и в её глазах была та доверчивость, которая всегда была её слабостью. Она видела то, что хотела видеть, не предательство, не расчёт, а поддержку. И поэтому открыла дверь. Не потому что доверяла незнакомцу а потому что доверяла подруге.

Но Виолетта заметила. Она видела, как глаза Луизы скользнули по витрине с конфетами, потом по кассе, потом по вывеске. И в этих глазах не было восхищения только расчёт. Холодный, точный, как взвешивание на аптекарских весах.

Я не ищу партнёров, сказала Марго. Мне не нужен партнёр. Мне нужны мои руки и мои формы, которые оставили мне мать и бабушки. Этого мне достаточно.

Анри улыбнулся снова. Его взгляд обежал кухню медные формы на столе, витрину с конфетами, вывеску над дверью. На мгновение он задержался на фотографиях на стене на женщинах рода Лоран, которые улыбались с пожелтевших снимков. И в его глазах мелькнуло что-то не уважение, не восхищение, а быстрый, точный расчёт. Как будто он оценивал товар, стоящий на полке.

Я не предлагаю отнимать, мадам Лоран, сказал он, и голос его стал ещё мягче, как масло, которое намазывают на хлеб, чтобы скрыть горечь. Я предлагаю дать то, чего у вас нет. Витрину. Имя на вывеске. Поставки в рестораны. Заказы из Парижа. Ваши конфеты заслуживают большего. А мир сам не придёт. Его нужно привести. И я знаю, как.

Он сделал паузу. Его пальцы, длинные и тонкие, коснулись столешницы, провели по дереву, оценивая качество. Как будто он уже прикидывал, сколько эта кухня может стоить на рынке.

Я не прошу у вас ничего, мадам Лоран, добавил он, и его голос стал почти ласковым. Я прошу вас позволить мне помочь вам.

Марго молчала. Виолетта видела, как в маминых глазах дрогнуло что-то любопытство, смешанное с надеждой. Она хотела поверить. Она всегда хотела верить. Она перевела взгляд на Луизу, и Луиза молча кивнула, едва заметно, но достаточно, чтобы Марго это увидела.

Подумаю, сказала Марго наконец. Я не готова ответить сейчас. Ничего обещать не стану.

Анри улыбнулся той улыбкой, которая была вежливой, но в которой не было ни капли тепла. Он положил на стол визитку белую, гладкую, с золотыми буквами, которые блестели в утреннем свете.

Я буду ждать, мадам Лоран, сказал он. Уверен, вы примете правильное решение.

Он развернулся и ушёл. Луиза ушла с ним. Виолетта смотрела в окно, как они удаляются по дороге. Луиза шла рядом с Анри, слишком близко, и что-то рассказывала ему, смеясь. Её смех звенел в прохладном осеннем воздухе громкий, радостный, чужой. Виолетта смотрела

на этот смех и чувствовала, как в груди разливается что-то холодное и тягучее, как патока, которая застывает в холоде.

Она смотрела на визитку на столе, на золотые буквы, на имя, которое ей ничего не говорило. Но она запомнила его. Запомнила, как запоминают запах дыма перед пожаром. Запомнила, как запоминают лицо врага, которого ещё не встретили, но уже знают, что он придёт.

Мама, сказала она тихо. Кто этот человек?

Марго взяла визитку, посмотрела на неё, и её лицо стало чуть бледнее, чем обычно. На лбу выступила тонкая морщинка та, которая появляется, когда ты не знаешь, кому верить.

Никто, доченька, сказала она и убрала визитку в карман фартука. Просто человек, который хочет нас использовать.

Но голос её дрогнул. И Виолетта это услышала.

ГЛАВА 3. ВИТРИНА

Шесть месяцев спустя в кондитерской появилась красивая витрина. Не вдруг, не по волшебству а постепенно, как рассвет вытесняет ночь, незаметно для тех, кто не смотрит. На улице, в самом центре деревни, высился прямоугольник из стекла, и в нём, как в драгоценной витрине ювелира, красовались конфеты, пирожные, бисквитные торты, эклеры. Шоколадные желуди лежали большими горками на серебряных подносах, и свет играл на их гладких боках, превращая сладости в маленькие произведения искусства, достойные музея. А над ними сияла надпись золотыми буквами: Марго Лоран. Конфеты ручной работы. С 1962 года.

Виолетта смотрела на это имя на стекле. Она стояла перед витриной, и сердце её наполнялось гордостью. Это имя было историей их семьи, их рода, их женской силы, которая передавалась из поколения в поколение. Она не подозревала, что очень скоро это имя отнимут у матери, а потом отнимут и её саму.

Анри приходил теперь каждый день. По утрам, когда Марго ещё делала конфеты, он запирался в кабинете, устроенном в задней комнате за кухней. На столе лежали бумаги стопки, папки, конверты, которые росли с каждым днём. Анри писал, считал, звонил, с кем-то разговаривал на повышенных тонах, измеряя шагами комнату, своими худыми ногами немного шаркая по скрипящим половицам. Виолетта, проходя мимо, слышала незнакомые слова: распределение, маржа, эксклюзивные права. Она не понимала смысла этих слов, но чувствовала, как они меняют дом, забирая у него часть души.

Марго стала петь реже. Голос её звучал тише, и пела она только по утрам, пока Анри ещё не пришёл, словно песня была сокровищем, которое нельзя показывать чужим.

Рядом с Марго теперь всегда была Луиза подруга, и Марго доверяла ей, будто сестре, рассказывая не только секреты о конфетах, но и всём том, что могло таиться в женской душе. Луиза приходила каждый четверг, садилась на кухне, пила чай, смотрела, как Марго месит тесто, и говорила: какая же ты талантливая, Марго, какие у тебя руки, ты заслуживаешь Парижа. Марго улыбалась и благодарила, не ведая, что каждое слово, каждый секрет, доверенный подруге, Луиза относил к Анри. Улыбки Луизы были маской, а сочувствие расчётом. Она жаждала всего, что принадлежало Марго, того, чего у неё самой никогда не было. А зависть такой женщины не знает границ.

Когда приходил Анри, Луиза оставалась на кухне, брала Марго за руку и шептала: он хороший человек, не бойся, я рядом. Марго не верила Анри она верила Луизе. А Луиза говорила: я твоя сестра, я не предаю. И Марго не знала, что Луиза хочет не конфет она хочет самой жизни Марго.

Тётя Клер, старшая сестра мамы, приезжала раз в месяц, всегда с тугим пучком на голове и сжатыми губами, как человек, который много знает, но ждёт, пока у него спросят совета. Она смотрела на Анри, и в её глазах Виолетта читала ту же настороженность, с какой смотрят на небо перед грозой. Тётя Клер не доверяла ему, но мама только улыбалась в ответ: всё хорошо, Анри хороший человек, Луиза так говорит.

Однажды, когда Анри вышел покурить, тётя Клер наклонилась к Марго и заговорила тихо. Виолетта стояла за дверью, прижав ухо к деревянному косяку.

Прошу тебя, сестра, будь осторожна, сказала тётя Клер. Не давай ему больше, чем нужно. Не отдавай ни рецепты, ни своё имя.

Он ничего не отнимает, Клер, ответила мама. Он помогает. Даёт мне то, что я сама себе дать не могу. Луиза говорит, что он хороший человек. Луиза не лжёт.

Луиза, повторила тётя Клер, и в её голосе прозвучала горечь. Ты уверена, что у неё нет своего интереса? Не всё, что рядом, подруга, Марго. Не всё, что блестит, золото.

Ты не знаешь Луизу, Клер. Она моя сестра. Она не предаст.

Тётя Клер сжала губы и больше не сказала ни слова. Она ушла и больше не предупреждала знала, что предостерегать бесполезно, когда человек не хочет слышать.

Виолетте было восемь с половиной лет, когда она впервые увидела, как Анри подписывает бумаги. Была поздняя ночь, Виолетта встала попить воды и, проходя мимо приоткрытой двери кабинета, застыла. Анри сидел за столом, перед ним лежали стопки бумаг, и он подписывал их одну за другой быстрой, уверенной рукой, даже не читая. Виолетта смотрела на эту руку и думала: мама не подписывает. Мама делает конфеты, мама поёт, мама не садится за стол, чтобы писать. И почему Анри расписывается маминой подписью?

Этот вопрос мучил Виолетту, потому что в те ранние годы она очень хорошо рисовала. Марго всегда любовалась её рисунками, особенно нарисованными по памяти, и непременно говорила: доченька, как ты эту деталь могла запомнить? Это же невозможно. А после того, как Марго, написав письмо к дальней бабушке, живущей где-то далеко от них, подписала своей росписью текст письма со словами: Всегда ваша, Марго! и поставила подпись, дочка сказала маме: а я тоже хочу научиться расписываться, как ты. И Марго с улыбкой и теплом показала и объяснила, что такое роспись человека. А потому Виолетта знала, как расписывается мама. И ей было крайне неприятно, когда Анри писал имя мамы, а затем делал роспись, совсем не похожую на мамину.

Вопрос поселился в ней тяжёлым камнем и остался там, ожидая своего часа.

Виолетта вернулась в кровать и слушала, как дышит дом: скрипели половицы, шуршала ткань, где-то капала вода. Но среди всех этих звуков был один ясный скрип пера по бумаге. Звук чужой, не принадлежащий этому дому. Виолетта слушала его и долго не могла уснуть, не подозревая, что этот звук будет звучать в её памяти семь лет, и что однажды она возьмёт конфету и положит внутрь то, что убивает.

Кондитерская росла. Анри привёз клиентов из Лиона, потом из Парижа, и сладости Марго, которые раньше знали только в ближайшей округе, теперь знали в городах. Люди приезжали за ними, стояли в очереди перед витриной, говорили: какие же чудесные сладости, а какие же прекрасные торты и конфеты, какие руки, какая любовь. Марго улыбалась и благодарила, не ведая, что любовь, которую она вкладывала в конфеты, уже ей не принадлежала. Бумаги, которые подписывал Анри, унесли не только её имя, но и всё, что стояло за этим именем.

Виолетта видела, как мама медленно меняется, как меняется свет в комнате, когда солнце прячется за облака. Ты не замечаешь момента, когда стало темнее, просто видишь, что света уже не так много. Марго стала молчаливее, реже смотрела в окно, дольше задерживалась над формой, словно не знала, что в неё влить. Голос её звучал всё тише, и Виолетта слышала, как в нём появлялась пауза там, где раньше была нота. Эта пауза была не тишиной, а пустотой, которая росла незамеченной, но неизбежно.

По ту сторону окна виноградники спали и просыпались, зима сменяла осень, весна сменяла зиму, и Виолетте исполнилось девять лет. Кондитерская сияла в витрине золотыми буквами, и имя мамы было на стекле, и казалось, что так будет всегда. Виолетта верила в это, как верят дети, всем сердцем, не оглядываясь. Она не знала, что время веры и праздника подходит к концу, что документы о правах Марго уже в портфеле Анри, и билет в Париж тоже куплен. А имя на стекле станет пустым звуком.

Всё начнётся с момента, когда Марго увидит бумаги на кровати и Виолетта скажет: мама, мне нужно показать тебе кое-что.

Но это будет потом. А сейчас был вечер, кухня, тесто и руки её матери. Анри сидел в кабинете с дверью, которая открывалась сама, а Луиза держала маму за руку и шептала: всё будет хорошо, Марго, я здесь, я не предам тебя. Виолетта медленно и неуклюже раскатывала тесто, и оно не слушалось. Марго смотрела на неё и улыбалась, и голос её звучал, обрываясь перед концом, как обрывался всегда. Виолетта не спрашивала почему. Она уже знала: конец

это имя, а имя это смерть. Она не хотела, чтобы мама умерла, и поэтому мама не допевала. И это было хорошо. И это было счастьем.

ГЛАВА 4. ДОКУМЕНТЫ

Виолетта порывалась сказать матери три дня. Не сразу ждала удобного момента, словно маленький хищник, затаившийся в засаде. В очередное утро, когда Марго делала конфеты, а голос её звучал непривычно тихо, Виолетта сидела на подоконнике, смотрела на мамнины руки и думала: как сказать, и сказать ли вообще. В размышлениях проходил целый день, закат заставлял её под лимонным деревом, и она смотрела на розовое небо, пытаясь найти нужные слова. Но слова не приходили, ведь есть вещи, для которых слов не существует нужно просто открыть рот и дать им выпасть, как камню из руки.

На четвёртый день она осмелилась сказать это в спальне, где Марго расчёсывала перед сном волосы, пахнущие лавандой и тёплым молоком.

Мама, мне нужно тебе кое-что показать, сказала Виолетта тихим шёпотом.

Расчёска замерла в её руке, и зелёные глаза, точь-в-точь как у дочери, посмотрели с материнской любовью и вниманием.

Что, милая? спросила Марго.

Виолетта достала документы из кармана и положила их на кровать между ними, как кладут правду между двумя людьми, которые любят друг друга, зная, что эта правда их разделит. И Виолетта знала: после этой правды ничего уже не будет прежним.

Марго взяла бумаги в руки и поднесла к глазам. По мере прочтения руки её стали дрожать, затем затряслись, лицо побелело, как молоко, пролитое на белую скатерть, дыхание стало частым и глубоким, и она застыла, как человек, которого ударили в самое сердце.

Это не партнёрство, мама, сказала Виолетта. Это полная и безвозвратная передача в дар Анри всего, что у тебя есть. Эта кондитерская, все рецепты и твоё имя. Мама, я знаю, что ты ничего не подписывала. Ты делала конфеты, и это не твоя подпись. Это он всё подписывал за тебя. Анри.

Марго замолчала надолго, так что Виолетта подумала: мама не слышит, мама не понимает, мама не хочет понимать. Но потом Марго тихо заговорила, будто говорила не с дочерью, а с собой, будто пыталась убедить саму себя:

Анри не такой, сказала Марго. Анри не мог. Анри любит меня. Анри уважает меня. Анри не забрал бы у меня то, что я строила.

И тогда Марго сказала то, чего Виолетта не ожидала. Сказала не про Анри. Сказала про Луизу.

Луиза говорит, что Анри хороший человек, сказала Марго. Луиза знает его. Луиза не предаст. Луиза моя подруга.

Виолетта смотрела на мать и понимала: девять лет это достаточно, чтобы понимать главное, но недостаточно, чтобы изменить его прошлое. А главное было то, что мама не верит не от глупости и не от слабости, а потому что ей говорила это подруга. А подруга не лжёт. А подруга не предаёт. А подруга любит. И Виолетта хотела сказать: мама, Луиза лжёт. Луиза предаёт. Луиза хочет твою жизнь. Луиза рассказала Анри всё. Луиза привела его к тебе. Луиза продала тебя. Но не сказала, потому что девять лет это слишком мало, чтобы разрушить веру матери в подругу, и слишком много, чтобы молчать. И Виолетта молчала, и это молчание она будет нести в себе семь лет, как камень в груди, который давит, мешает дышать, не даёт уснуть, который станет частью её, как становится частью тела шрам.

Мама, посмотри на подпись, сказала Виолетта. Это же не твоя подпись. Это его рука. Я видела, как он подписывает это каждый день в кабинете за нашим столом. Я видела это, мама.

Марго пристально и долго всматривалась в подпись, и затем взгляд её изменился, и в нём появилось то, чего Виолетта никогда раньше не видела страх. И мир, который жил в её

душе, начал трещать, и вместо запаха сладостей в нём запахло горелым пеплом, серой пылью, выедающей душу.

Я поговорю с ним, сказала отрешённо Марго. Когда он вернётся, я поговорю с ним обязательно. Анри не такой. Он скажет, что это ошибка. Я верю ему.

Виолетта безучастно кивнула, не осмеливаясь разрушить веру матери в добро, которое было ложью, порождённой руками Анри и языком Луизы.

Он вернулся через два дня уже не в сером костюме, как раньше, а в строгом чёрном, и не с улыбкой, а с портфелем и холодными глазами человека, принявшего неотвратимое решение. И рядом с ним была Луиза, одетая в красное, в то самое красное, которое надевают, когда идут забирать то, что давно хотели. Красное платье обтягивало её тело. Виолетта смотрела на это платье и понимала: это не платье подруги это платье хищницы, которая наконец поймала то, что ловила. Луиза улыбалась, и Виолетта смотрела на эту улыбку, и чувствовала, как в её детском сердце рождается чувство, которое она не могла назвать, но которое потом, через семь лет, станет пятым именем в блокноте Луиза, и это имя она напишет первой, не дрогнувшей рукой.

И Марго встретила его, обняв и поцеловав, спросила: как поездка? Анри ответил: хорошо, успешно, мы растём, и улыбнулся той самой улыбкой, которая не достаёт до глаз.

Виолетта молча смотрела из коридора, как смотрят на хищника, погубившего множество судеб, но ещё не признавшего это, как смотрят на зло, которое ещё не знает, что оно зло. Рядом с хищником стояла Луиза в красном платье, и Виолетта смотрела на неё, запоминая каждую деталь: складку красного платья, улыбку, взгляд.

Ночью Виолетта не спала, прислушиваясь к звукам дома, и её удивило, что из кабинета Анри не было ни единого звука ни шороха бумаг, ни скрипа пера. Виолетта тихонько встала с постели и вышла в коридор. Пол был холодным под босыми ногами, луна холодно светила сквозь окно, и в её свете всё казалось вырезанным из столового серебра. Она подошла к открытой двери кабинета, и из проёма падала полоска тёплого света от настольной лампы, освещающей сидящего за столом Анри. Перед ним лежали паспорт и билеты в Париж на два имени: Анри Дюбуа и другое, женское, то, которое Виолетта не знала. И единственное, что поняла Виолетта: эта женщина не мама. Эта женщина та, ради которой Анри уезжает, та, ради которой он заберёт у мамы всё.

Виолетта, не подавая звука, наблюдала и запоминала каждую деталь имя и дату, чтобы не забыть и вернуть всех до последнего, чтобы каждое имя в блокноте было не просто именем, а приговором. Она вернулась в комнату и легла, прикрыв веки, и не заплакала, понимая, что заплачет потом, когда придёт её время, когда мир рухнет и мамин голос замолчит.

А пока она лежала и слушала дом, и услышала, как Анри закрывает с лёгкими щелчками свой портфель и гасит, уходя, свет в кабинете. И Виолетта поняла, что завтра кончится всё, что было сладко и называлось детством рядом с мамой. Но это будет завтра, а сегодня была ночь, и луна, и билеты на два имени, и тишина, оставленная украдкой сбежавшим вором, и красное платье Луизы, которое мелькнуло в коридоре, когда Луиза уходила за Анри, не оглядываясь, не прощаясь, не говоря спасибо.

ГЛАВА 5. СЪЕДЕНА СЛАДКО

Марго узнала на рассвете. Не от Виолетты, а от самой жизни, которая забирает без предупреждения.

Анри ушёл этой ночью, бесшумно, словно вор, укравший душу, не оставив ничего, кроме запаха серого костюма и звенящей пустоты. Там, где был кабинет и стол, за которым сидел когда-то тот, кто подарил надежду, остались лишь клочки бумаги с именем Марго, которое больше ей не принадлежало.

Марго встала по привычке на рассвете и пошла на кухню, поставила греться воду, машинально достала муку и лавандовый мёд, принялась делать заготовки для конфет, как делала это каждый день на протяжении многих лет. Она не чувствовала, что это её последний день, что её умелые руки, пахнущие сладкой горечью шоколада и миндаля, уже никогда не коснутся маслянистого теста, дающего жизнь.

Виолетта проснулась от гнетущей тишины, заполнившей остывший дом. Она вышла из комнаты и, пройдя на кухню, увидела тихо стоящую фигуру матери, склонившей голову над медными потемневшими формами, помнившими каждое касание рук всех поколений женщин этого рода. Марго стояла молча, затаив дыхание. Она не делала конфет, а просто смотрела на старую форму, стоявшую на столе у окна.

Мама? сказала Виолетта почти шёпотом.

Марго продолжала стоять, уставившись в одну точку. А за окном пели птицы и вставало розовое, тёплое, как мамины руки, солнце, и никто не заметил, как рухнул мир, словно мамина оборванная песня.

Мама, что случилось? снова громко закричала Виолетта.

Марго медленно обернулась, словно просыпаясь от кошмара, не понимая, где она и кто она, с глазами, зияющими пустотой, и лицом, из которого вынули всё, кроме дыхания и нарастающей боли.

Он ушёл, тихо сказала Марго. Забрал все мои рецепты, кондитерскую и даже моё имя с собой в Париж, в компании с другой женщиной. И теперь у меня остался лишь голос, который когда-то пел для тебя, моя дочь, и эти формы.

Виолетта бережно обняла любимого и самого драгоценного человека на свете маму. Марго не заплакала, а просто стояла в объятьях девятилетней босой дочери, заглядывающей ей в лицо своими большими зелёными глазами, которые смотрели на мать и видели, что мама больше не будет прежней, что мама больше не будет петь и не будет делать конфеты.

И Виолетта ждала, что придёт та самая Луиза давшая клятву дружбы и верности, говорившая: я твоя сестра, я не предаю. Ждала, что Луиза придёт и сядет рядом, возьмёт маму за руку, скажет: прости, я не хотела. Но Луиза не пришла. Не в тот день, не в следующий, не на похороны, не тогда, когда Виолетта стояла одна у могилы и не знала, как жить дальше. Луиза исчезла, забыв о клятвах на словах. Ведь женская зависть не знает пределов. Та, что вчера обнимала и говорила я твоя сестра, сегодня не придёт на похороны, боясь увидеть в гробу то, чем сама скоро станет.

Дни шли. Марго не выходила из кухни, но и не делала конфет. Она больше не пела, а подолгу сидела у распахнутого окна, смотрящего на виноградники с наливающимися соком ягодами, которые должны были стать основой для знаменитых конфет и сладостей, сделанных руками Марго. Теперь она смотрела вдаль, туда, где кончалось её счастье.

Виолетта приходила каждый день, каждый рассвет, каждый закат, приносила еду, воду, хлеб, сыр всё то, что мама ела раньше, когда была собой. Марго ела механически, не чувствуя ни запаха, ни вкуса, не ощущая ничего, кроме пустоты, выжигающей её изнутри, и боли, которая была повсюду.

Виолетта не показывала своих слёз никому. Она плакала ночью в тишине своей комнаты, уткнувшись в подушку, давая свои слёзы и крик тишиной, понимая уже, что потеряла маму и сделать ничего не в силах.

Прошло несколько месяцев. Марго угасала, как свеча. За всё это время она ни разу не вышла на улицу, не произнесла ни звука и лишь иногда с тоскою смотрела на дочь. Она почти ничего не ела и лишь пила родниковую воду, задерживая долгий взгляд на кружке, в которой дрожали остатки. Она молча ждала и понимала, что умирает, и главной болью была мысль, что она не дала будущего Виолетте, о котором мечтала каждый день, грезила о её счастье, о внуках, которые наполнили бы этот дом смехом, и о своей счастливой старости рядом с самым любимым цветком всей её жизни, Виолеттой.

На четвёртый месяц, в три часа перед самым рассветом, Марго запела. Запела в тишине спящего мира, перед пробуждением всего живого в её саду и в доме. Виолетта, услышав голос мамы, проснулась с радостью и мигом выскочила на кухню, где Марго, уже достав муку, миндаль, какао и лавандовый мёд, стала замешивать тесто и готовить формы для конфет, как делала это раньше, укладывая заготовленную смесь в потемневшие от времени медные причудливые формы с делениями для отливки конфет. Марго пела тихо, не так сильно, но с любовью, как в старые добрые времена.

Марго допела последнюю ноту, и голос её стих. Она глубоко вздохнула, обернулась на Виолетту, обнимающую её, как маленькая птица, заслонившая своих птенцов, и, взяв лицо дочери своими тёплыми ароматными ладонями, пропитанными запахом шоколада и миндаля, сказала, глядя нежно в её зелёные, как спелый виноград, глаза:

Доченька моя, любовь моя, я закончила. Я свободна. Я люблю тебя больше жизни, и моя любовь останется с тобой. В голосе твоём, в памяти твоей, в глазах твоих изумрудных я останусь с тобой до последнего твоего вздоха.

И Марго упала к ногам дочери тихо, как падает лепесток розы на тёплую землю, пропитанную запахом мёда, орехов, шоколада и лаванды, перед медными формами, доставшимися ей по наследству.

А Виолетта упала на колени рядом с матерью и, схватив её руку и сильно прижав к своим губам, заплакала: мама, проснись, не уходи от меня, ведь мне так страшно и одиноко без тебя, и нет в жизни никого дороже тебя мама. И я тоже хочу уснуть с тобой, мама, на нашей кровати. Но мама лежала бездыханно, и тело её остывало, и Виолетта всё утро так и просидела рядом с умершей матерью, держа свои губы прижатыми к её рукам.

В саду запели птицы. Благоухающий жизнью мир проснулся и не знал, что рядом, у распахнутого окна на полу, лежит мёртвая холодная женщина в объятьях дочери, пообещавшей отомстить за мать, которую погубили те, кто не имел на это права, а память о ней выбросили, как ненужную пустую коробку, пахнущую мёдом, шоколадом и лавандой.

Её звали Марго. И она была моей матерью.

ГЛАВА 6. НАСЛЕДСТВО

Виолетте было шестнадцать, когда она сделала первую конфету с ядом. Сделала это холодно и спокойно, без гнева и без слёз, с уверенностью человека, готового к мести.

Виолетта жила у тёти Клер, сестры матери, приехавшей на похороны в чёрном платье, с красными глазами и губами, тихо шептавшими: бедная Марго, бедная девочка. Забрала Виолетту не от любви, а от долга ведь девочка девяти лет не может жить одна в доме, где пахнет мукой, какао и лавандовым мёдом, где на полу кухни до сих пор лежала форма медная, потемневшая, как старая, забытая всеми реликвия.

Тётя Клер жила в этой же деревне, где родилась Марго, рядом с таким же старым, каменным домом, где родилась Марго, с окнами на виноградники, заброшенные и одичалые, словно оплакивающие ушедшую навсегда хозяйку.

Виолетта не плакала при тёте. Плакала ночью, в своей комнате, тихонько в подушку, чтобы никто не знал, что девочка шестнадцати лет носит в себе такую неукротимую боль расставания с матерью, ставшей для неё миром.

Виолетта делала конфеты каждый день, на рассвете, как мама, в кухне, с формой, которую тётя Клер в те трудные дни забрала из дома Марго, поставила на стол в кладовой, не прикасаясь к ней семь лет, пока Виолетта не попросила: тётя, я хочу делать конфеты, как мама. И тётя Клер кивнула не от того, что хотела, а от того, что не могла отказать, ведь в глазах девочки было не просьба, а призвание, предсказанное судьбой.

Однажды утром, когда Виолетта месила тесто, тётя Клер вошла в кухню и остановилась в дверях, скрестив руки на груди жест, которым она всегда начинала важный разговор.

Виолетта, ты уверена, что хочешь этого? сказала тётя Клер, и голос её был мягче обычного, будто боялась спугнуть хрупкое. Делать конфеты каждый день на рассвете, как делала Марго?

Виолетта не подняла головы от теста. Пальцы её двигались медленно, уверенно, придавая массе форму идеального шарика, и она ответила, не глядя на тётю:

Я не хочу, тётя. Я должна.

Тётя Клер молчала долго, смотрела на руки Виолетты, на тесто, на медную форму на столе, и в её глазах был страх тот самый, что охватывает человека, когда в другом он узнаёт черты того, кого любил и потерял.

Ты очень похожа на неё, сказала тётя Клер наконец, и голос её дрогнул. Руки, глаза, то, как ты держишь тесто, то, как ты молчишь, когда думаешь.

Виолетта подняла голову и посмотрела на тётю, и в её зелёных глазах было то, что старше шестнадцати лет, старше боли, старше памяти.

Я не Марго, тётя, сказала Виолетта тихо. Я делаю конфеты с любовью, как она хотела. Но внутри них я кладу кое-что ещё. То, чего мама не знала. То, чему меня научили не её руки.

Тётя Клер замерла. Её пальцы сжались на предплечьях, и она сделала шаг назад, словно услышала приговор.

Виолетта, что ты имеешь в виду? сказала тётя Клер, и голос её стал твёрже.

Но Виолетта уже вернулась к тесту. Пальцы её двигались, и тесто принимало форму, и она не ответила. И тётя Клер стояла в дверях ещё долго, смотрела на племянницу, и не знала, что сказать, и что сделать, и как остановить то, что уже началось. В конце концов она просто вышла из кухни, закрыв за собой дверь так тихо, как закрывают её у постели спящего.

Виолетта месила тесто, плавила шоколад, тёрла какао, обжаривала миндаль, добавляла мёд из лаванды всё как мама, всё по рецепту, всё по памяти. Но добавляла и другое, чего не было в рецептах Марго, что не пахло ни ночью, ни любовью. Травы, экстракты, корни, листья, цветы то, что Виолетта находила в лесу, в поле, в саду, то, что вычитывала в старых книгах с

чердака тёти Клер. Эти книги пахли пылью и плесенью, и в них было написано, как убивать, как лечить, как усыплять, как пробуждать. И Виолетта читала их ночами, при свече, и впитывала знания, как земля впитывает дождь, и знала то, что знают женщины её рода: сладость прячет яд лучше горечи, а любовь не спасает тех, кого предали свои.

Однажды ночью, когда Виолетта читала при свече, тётя Клер снова вошла в её комнату. Не постучала. Просто открыла дверь и встала на пороге, и Виолетта не успела спрятать книгу, и тётя Клер увидела название, увидела рисунки трав, увидела даты и пометки на полях, сделанные рукой Виолетты мелкие, аккуратные, как у того, кто знает, что делает.

Виолетта, что это? сказала тётя Клер, и голос её был тихим, но твёрдым.

Виолетта не ответила сразу. Она закрыла книгу, положила руку на обложку, как кладут ладонь на то, что не хотят отдавать, и посмотрела на тётю, и в её глазах не было ни вины, ни страха только спокойствие, то самое, что приходит к человеку, давно принявшему решение.

Это то, что мне нужно, тётя, сказала Виолетта. Это то, что поможет мне закончить. То, что мама не закончила. То, что Анри не дал ей закончить. То, что Луиза помогла ему разрушить.

Тётя Клер молчала долго. Смотрела на книгу, на Виолетту, на свечу, которая горела между ними, и пламя качалось, и тени на стенах двигались, и в этих тенях проступало то, чего тётя Клер не хотела видеть. И она не сказала больше ничего. Просто повернулась и вышла. И Виолетта слышала, как тётя Клер идёт по коридору, как скрипят половицы под её ногами, как она закрывает дверь своей комнаты, и как за этой дверью становится тихо. И Виолетта знала, что тётя Клер не спит, что лежит в своей кровати и смотрит в потолок, и думает о Марго о том, какой Марго была, какой стала бы, если бы Анри не пришёл, если бы Луиза не предала, какой могла бы быть, если бы Виолетта не носила в себе того, что носила.

Первая конфета с ядом была готова на рассвете, в четверг, в день, который не принадлежит никому пауза между вдохом и выдохом. Виолетта держала её в руке маленькую, тёмную, горькую снаружи и сладкую внутри, с миндалём и лавандовым мёдом, и с тем, что убивает медленной бескровной тишиной.

Виолетта смотрела на конфету долго, внимательно, как смотрят на приговор, не подлежащий отмене. И она не чувствовала ни страха, ни вины, ни сомнений она чувствовала голод, тот самый, который не утоляется и не прощает, который ждёт семь лет и ещё подождёт столько, сколько нужно.

Она положила конфету в коробку маленькую, белую, с розой на крышке. Это была та самая коробка, что стояла на витрине кондитерской. Анри вывез всё ценное, но эту старую коробку оставил она была пуста, и он не счёл её стоящей. Тётя Клер забрала её из разорённой кондитерской и хранила семь лет. Виолетта закрыла коробку, положила в ящик стола, заперла, а ключ повесила на тонкую цепочку. Цепочка легла ей на грудь, между девичьих грудей, уже созревших и знающих, что такое боль, но не знающих плотской любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.